
Н. А. ГАРАЖА

**ПСИХОЛОГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОСТАРБАЙТЕРОВ
И СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ**

В статье анализируются особенности взаимоотношений между представителями различных этнических групп в условиях совместного быта в трудовом лагере и насильственного трудоустройства. Одной из исходных предпосылок конфликтов были действия нацистских властей, вносивших раздоры между народами для лучшего управления ими или использования в своих целях. Люди, объединенные общей бедой неволи и тяжелого труда, испытывали и серьезнейшее психологическое давление, направленное на подрыв этого единства и внутреннего осознания принадлежности к определенному народу, системе ценностей и жизненных идеалов.

Ключевые слова: остарбайтеры, военнопленные, Великая Отечественная война, Третий рейх, национальность.

В Третьем рейхе контакты военнопленных и остарбайтеров всех этнических групп с местным населением, гражданскими лицами и представителями определенных национальностей были категорически воспрещены или существенно ограничены, хотя это было сложно соблюсти, особенно на производстве. Даже в памятке «Общие правила обращения с иностранными рабочими, занятыми в германской промышленности» высказывалось опасение, что гуманное обращение с иностранными рабочими, способствующее повышению работоспособности, и предоставляемые им некоторые льготы могут легко привести к уничтожению границ между рабочими другой национальности и немцами (ГА РФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 11. Л. 74). Немцы строго и недвусмысленно предупреждались о тяжелом наказании за пренебрежение принципами национал-социалистической расистской теории.

Угрозы дополнялись пропагандой с апелляциями к этническим стереотипам и предрассудкам. Остарбайтер-еврейка вспоминала,

что иностранцев на заводе, где ей пришлось работать, было много, но людьми признавались только немцы. «Всюду: на вешалках для одежды, над входом в душевые и столовые, даже на уборных висят таблички “Только для немцев”» (Анваер 2005: 46).

А в донесении Центрального бюро по учету восточных рабочих написано: «Широкие слои германского народа считают украинских рабочих своими злейшими врагами и русскими – большевиками и обращаются с ними соответствующим образом...» (ГА РФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 415). Это однозначно повторяло главную идею принудительного трудового использования граждан оккупированных государств и военнопленных: все, что ни происходит, происходит в интересах Третьего рейха и немцев; если кого мы и выделяем, то он заблуждается, думая, что приравнен к немцу.

Действительность и официальная отчетность не всегда соразмерны, но практика постоянного внушения, чередования ограничительных норм и позволений недопустимого стала приносить свои вредоносные плоды – неприятие человека человеком, брезгливость, страх, игнорирование чужой боли и беды.

Излюбленные нацистским режимом категории «раса» и «национальность», переходя на конкретную бытовую почву, тесно переплетались с понятиями «питание», «проживание», «заработная плата» и «квалификация рабочих мест» (Kooger 2004: 20), раскрываясь новыми смыслами. Так, немецкие правила техники безопасности не распространялись на женщин и молодежь из восточных рабочих, которые эксплуатировались в основном на грязных и опасных участках. В результате, с одной стороны, каждый немец ощущал привилегии своего положения в обновленной таким образом социальной структуре рабочего класса Германии, что способствовало одобрению режима и его политики в отношении иностранной рабочей силы. С другой стороны, профессиональная квалификация, высокая производительность труда, личные контакты между немцами и рабочими разных национальностей нередко приводили к смягчению взаимного восприятия, что не могло остаться незамеченным властями.

Например, И. П. Аникеев, военнопленный, содержащийся в лагере 326 с августа 1941 года по сентябрь 1944 года, вспоминал чеха А. Либеля, который работал у немцев в санчасти переводчиком. Либель говорил: «Чехи и русские братья» – и передал однажды Аникееву большой пакет с продуктами (Ерин, Хольный 2000: 48). А. Деревенец, работавший с итальянцами, характеризовал их

как мирных, безобидных и покорных, относящихся к русским с уважением (Тутов, Малофеев 2007: 226–227).

В Норвегии советские военнопленные содержались и работали вместе с норвежцами, чехами, сербами, поляками, датчанами и лицами других национальностей, отправленными на принудительные работы. Избежать прямых контактов между ними было невозможно. При этом наблюдалась следующая интересная тенденция: именно молодое поколение местного населения испытывало симпатии к русским за их «мораль, относительно высокий уровень знаний, дисциплину и внутреннюю сплоченность». Сильно впечатляло и жестокое обращение с ними. В совокупности все это привело к сочувствию и даже готовности к более глубокому восприятию советской идеологии (Солейм 2012: 146–147).

Иногда изощренная нацистская пропаганда, пытаясь внести серьезный раскол между народами СССР, апеллировала к якобы европейскому единству в войне: «рабочие из восточных областей помогают победе рука об руку со всеми остальными европейцами», «борьбой и трудом все народы укрепляют сердце Европы» (РГВА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 42. Л. 462 об., 464 об.). Особенно это касалось белорусов и украинцев. Именно на этих народах, как никаких других близких русским, со всем напором массивной активности обрабатывался инструмент межнационального раскола.

Дабы минимизировать контакты с местным населением и выделенными особым образом этническими группами, советские военнопленные ставились на работу только в составе закрытых колонн, подобные ограничения касались и гражданских рабочих. В целом советские военнопленные и остарбайтеры, которые не были отобраны ни в какую группу по этническому, социальному, гендерному или иному признаку, в большей мере испытывали всю тяжесть и жестокость нацизма.

Так, присутствие третьих лиц не мешало караульным командам немедленно применять оружие в отношении военнопленных (ГА РФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 204). Имперский начальник СС на совещании группенфюреров в Познани 4 октября 1943 года говорил, что 8 миллионов пленных в Германии безопасны, «пока мы прихлопываем их по всякой мелочи. Это мелочь – расстрелять десять поляков, в сравнении с тем, что позже нам может быть пришлось бы расстрелять десятки тысяч и в сравнении с тем, что расстрел этих десятков тысяч стоил бы тогда и немецкой крови. Всякий маленький огонек сейчас же растаптывается и гасится, иначе –

как и при настоящем огне – в народе может возникнуть политико-психологический пожар» (ГА РФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 85). Эта безжалостная прокламация убеждает в очередной раз в зыбкости, по крайней мере в отношении трудоиспользуемых военнопленных и гражданских лиц, нацистских этнических программ, лозунгов и т. д.

Несмотря на нестройность и относительность этнически обусловленных поощрений-порицаний и схем приоритета, дискриминация и изоляция от гражданских лиц и военнопленных других национальностей практиковались не только на рабочих местах, но и в общежитиях. Иностранцы блоки в лагерях назывались просто «Бельгия», «Голландия», «Франция», «Польша». Рабочий блок итальянцев и их самих называли «Бадوليو» и «макарони». Содержались они лучше и ежемесячно получали посылки от Международного Красного Креста (Апель 2009: 156–160).

И лагерное лечение, и питание западных подневольных работников и военнопленных было лучше, чем у работников с Востока. Например, из брюквенной корки варили суп только русским, а из самой брюквы – французам (ГА РФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 48. Л. 3).

Советским военнопленным приходилось искать способы подработки, чтобы увеличить скудный рацион питания. Военнопленный Ю. А. Апель (2009: 156–160) пишет, что в его лагере были так называемые «шакалы» и «шакалята». «Шакалы» занимались мелким промыслом: мастерили мундштуки, портсигары, шкатулочки и т. д. и продавали их в «Западной Европе». «Шакалята» за плату охраняли имущество «шакалов». Были еще «пикировщики» – они любыми способами проникали в европейскую часть лагеря, кормились там и приносили еду с собой.

Такое бедственное положение и постоянное бытовое насилие со стороны надсмотрщиков сказывались и на общем самочувствии – физическом и душевном, и на производительности труда советских военнопленных. По замечанию Х.-Х. Холланд, у европейцев, в свою очередь, было осознание того, что, работая на германском производстве, они содействовали ослаблению своих стран. К тому же большинство работало в военной промышленности, а это означало производство оружия против их же стран и граждан (Holland 2009: 19).

Настойчивые усилия по внесению раскола между народами в локальных пространствах производства и барака иногда приводили к концентрации обоюдного презрения, количество столкновений перерастало рамки единичных бытовых случаев, закрепляясь в со-

знании как исторически сложившаяся данность конфликта и неприятия народа в целом.

В письмах и воспоминаниях очевидцы отмечают антагонизм между выходцами из СССР и поляками. Особо подчеркнем нечеткость в определении национальности в данном конфликтном срезе. Претензии не были однозначно и четко сформулированы, иногда и вовсе отсутствовали. Один военнопленный вспоминал, что работал на железной дороге, где бригадирами были поляки, и «там нашим военнопленным было не сладко». Объясняет причину самостоятельно: «...еще во времена Николая I в душах поляков поселилась ненависть и вражда к русским. А потом еще в 1939 год, когда советские войска вторглись в Польшу вместе с немцами. Но при чем здесь простые солдаты? И почему русских ненавидели гораздо больше, чем немцев, причинивших полякам гораздо больше вреда и истребивших миллионы поляков?» (Тутов, Малофеев 2007: 189).

В еще одном воспоминании военнопленный рассказывает о том, как он прятался от надсмотрщика, но его обнаружил поляк и стал тащить во двор. Военнопленный стал его уговаривать: «Ведь ты же поляк, брат – славянин, у нас общий враг» (Они же 2010: 121–122).

Часты были просто ссоры и столкновения на бытовой почве. Например, заключенная Г. Дроботова писала приятелю в лагерь Мангейм: «...поляки сильно порезали Кошеля Ивана в воскресенье в 10.00 вечера, в том числе и Сеньку, но Сеньку мало, только две раны на голове...» (ГА РФ. Ф. 10014. Оп. 1. Д. 17. Л. 5).

Сложно выстраивались взаимоотношения с выходцами из Западной Украины, которые с начала войны дезертировали или добровольно сдавались в плен. В этом случае причина неприятия была четко осознаваемой и проговариваемой. Д. Чиров пишет, что «во время открытых ссор обвиняли нас в том, что это из-за нас они мучаются в плену: если б мы в 1939 году не заняли их землю, они бы себе жили да жили спокойно, никакого плена не ведая, ведь в польской-то армии они не служили» (Чиров 2010: 111). Чиров описывает примечательную историю из лагерной жизни. Однажды пленным выдали на ужин по 20 граммов яблочного повидла, которое западные украинцы называли «мармолядом». Они устроили по этому поводу чуть ли не благодарственный митинг, наперебой восхваляли щедрость немцев и укоряли уроженцев советских республик. «Вы тильки подывытэсь, люди добри, мы в их у плену, а они нас мармолядом кормлять!.. А у вас, у вашим войську, що мы ба-

чили та йилы, окромя той перловки, хай ейи бис!...» (Чиров 2010: 111–112).

Как ни прискорбно, разломы во взаимоотношениях народов, спровоцированные в период Второй мировой войны, впоследствии не исчезли, а наоборот, оказались стойкими. Уже после разгрома нацистской Германии в лагерях перемещенных лиц сохранялось неприятие между поляками, украинцами и русскими. Мы, конечно, обязаны учитывать специфику данных лагерей. Но, судя по количеству свидетельств, это не было случайным совпадением.

Репатриантка Любарская, давая показания о лагере перемещенных в английской зоне оккупации Германии в Зальцгиттере, говорила о негативном настрое поляков к русским и украинцам. «Открыто вражда сильно не проявляется, но чувствуется, особенно при выдаче продуктов и вещей. Хлеб почему-то “случайно” всегда попадает черствый, мясо с большими костями. При выдаче вещей, когда очередь доходит до украинцев, или нет ничего, или не тот размер...» (ГА РФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 146. Л. 34). Репатриантка Пологина-Гладких, уроженка ст. Ново-Титаровка Краснодарского края, сообщала, что «в лагере “Лысенко” английской зоны оккупации, где русских было 4–6 %, остальные украинцы, первым приходилось скрывать свою национальность и записываться украинцами, да еще западными. Делали это потому, что украинцы имели больше привилегий и испытывали меньше издевательств со стороны администрации. Были частые случаи избиения и убийства жильцов лагеря русской и белорусской национальностей» (Там же: Л. 108).

Постоянное ужесточение условий содержания военнопленных и оstarбайтеров и изнурительная работа, приводившие к физическому измождению и психологическому отчаянию, а также значительное количество социальных запретов их нахождения на территории Германии, не способствовали налаживанию нормальных человеческих контактов, надламывая людей, выпускали на волю первобытную агрессию во имя самосохранения. Военнопленные и восточные рабочие едины во мнении, что во взаимоотношениях царил жесточайший эгоизм. Причиной тому был голод. И все же существовало немало групп по два, по три, а иногда и больше человек, сошедшихся по характеру, по возможности поддерживающих друг друга (Тутов, Малофеев 2010: 55–56; Аристов 2010: 22–31).

Апель (2009: 87) делится тем, как встретил почти земляка из Новороссийска Петра Азэ (шапсуг, мать русская). «Сблизила нас, скорее всего, наша физическая ущербность, он был таким же нату-

ральным доходягой, как и я». Оба были голодны, и Апель обменял свой английский френчик на хлеб, сало и чеснок у калмыка. «Этого счастья нам хватило на всю дальнейшую дорогу». Он также рассказывает о Мишке Гарифуллине, татарине, песню которого на татарском пела вся штуба. Мишку звали на самом деле Матигулла. Запомнились его неистощимый оптимизм и абсолютная вера в скорое освобождение. Любил он итальянские арии из опер Верди и пел их дояркам-итальянкам, которые давали за это молоко (Апель 2009: 221–222). Дед автора, Петр Федорович Иванченко, зарабатывал в лагере хлеб для всего многонационального барака песнями на вечерних концертах у немцев. И подобных историй множество.

С. Аристов (2014: 112–133), анализируя нацистские концентрационные лагеря на оккупированной территории Украины, приходит к выводу, что подавляющее большинство заключенных говорило на русском или украинском языках, соответственно, это позволяло устанавливать контакты между заключенными, а значит, служило для самоорганизации узников. Но взаимопомощь здесь так и не стала распространенным явлением. Причинами были перемещение заключенных в другие лагеря, массовые уничтожения и отсутствие заключенных, обладавших долагерным организаторским опытом и способностями. Заключенные могли ориентироваться только на себя, на свою физическую силу и здоровье.

В условиях насильственного удержания важнейшим фактором самоидентификации становились этническая принадлежность и вероисповедание. Именно они являлись тем духовным базисом, который давал силы и оптимизм, надежду выжить и сохранить в себе человека.

Д. Чиров, когда его отправили в «арбайтскоманду», располагавшуюся под Маркерсдорфом (Австрия), и накануне отправки выдали вместо деревянных колодок нормальные кожаные русские ботинки, описывая впоследствии свои ощущения: «Я почувствовал себя немного полегче: ведь ко мне вернулось понимание, что я все-таки русский человек, раз хожу по чужой земле в русских ботинках» (Чиров 2010: 108–109). В текстах многих открыток и писем, которыми обменивались восточные рабочие в Германии, они указывали свою национальную принадлежность (ГА РФ. Ф. 10014. Оп. 1. Д. 13. Л. 5; Там же. Д. 14. Л. 6). Это, безусловно, фактор неосознанного сохранения национальной идентичности путем частого проговаривания и ассоциирования себя с этнической группой. По мнению Г. Г. Гринченко (2004), анализировавшего интервью

с бывшими оstarбайтерами, смысловой акцент на сохранении семейной и национальной идентичности – ключевой в рассказе-описании-оценке своего пребывания в Германии.

После разгрома нацистской Германии национальный вопрос не исчерпал себя и для стран-победителей. Справедливости ради добавим, что он был актуален и прежде. Например, именно по причине неприятия текста ст. 9 о раздельном содержании военнопленных разных национальностей, противоречившей принципу интернационализма, Женевская конвенция не была подписана СССР в 1929 году.

Впоследствии двусторонние соглашения по репатриации между СССР, США и Великобританией 11 февраля 1945 года не раскрывали содержания понятия «советские граждане». А поскольку репатриации подлежали только они, то решающую роль играли критерии определения советского гражданства, которыми руководствовались при репатриации западные союзники СССР. На первый взгляд, они просты: или проживание до 3 сентября 1939 года на территории СССР, или пленение позднее 11 февраля 1945 года. Таким образом, на законных основаниях репатриации не подлежали граждане Эстонии, Латвии и Литвы, Западной Белоруссии, Молдавии и Северной Буковины, а также русские эмигранты, покинувшие Россию до сентября 1939 года. Но переговоры в Галле 22 мая 1945 года разрешили данную коллизию и уравнили «западников» и «восточников» в разряде советских граждан (Арзамаскин 2001: 23–27).

Всего невозвращенцев, по данным П. М. Полян (2006: 392–293), насчитывалось 451 561 человек. Интерес представляет их регистрация по национальному признаку: русские, украинцы, белорусы, латыши, литовцы, эстонцы и т. д. Говорить в целом о распределении общего количества оstarбайтеров и военнопленных по этническим группам проблематично, так как регистрация велась по областям доставки с учетом половозрастных критериев граждан. Нарекания вызывают даже общие цифры вывезенных гражданских лиц из СССР в Германию и количество трудоуспекуемых советских военнопленных.

Национальность являлась определяющей и в селекции советских граждан в Третьем рейхе, и в их внутригрупповом взаимодействии – как дружественном, товарищеском, так и конфликтном. С одной стороны, трудности неволи объединяли людей, скрадывая многие различия. Но, с другой стороны, значительное количество разломов на национальной почве говорят нам об эффективности

нацистской пропаганды и практики по активизации или искусственному созданию конфликтов между народами Восточной Европы на долгосрочную перспективу.

Литература

Анвьер, С. 2005. *Кровоточит моя память: из записок студентки-медички*. М.: РОССПЭН.

Апель, Ю. А. 2009. *Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945)*. М.: РОССПЭН.

Арзамаскин, Ю. Н. 2001. *Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг.* М.

Аристов, С. В.

2010. К вопросу о стратегиях выживания узников концентрационных лагерей (на примере нацистского женского лагеря Равенсбрюк). *Личный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания, интервью*. Воронеж: ВГПУ, с. 22–31.

2014. *Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной территории Украины. СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм*. М.: РОССПЭН, с. 112–133.

Гринченко, Г. Г. 2004. «Устные истории» и проблемы их интерпретации (на примере устных интервью с бывшими остарбайтерами Харьковской области). *Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии*: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, с. 215–227.

Ерин, М. Е., Хольный, Г. А. 2000. *Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (VI К) Зенне. 1941–1945 гг.)*. Ярославль: ЯрГУ.

Полян, П. 1996. *Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация*. М.: Ваш Выбор.

Солейм, М. Н. 2012. *Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 годах. Численность, организация и репатриация*. М.: Весь Мир.

Тутов, В. С., Малофеев, А. С.

2007. *Сквозь две войны, сквозь два архипелага...: Воспоминания советских военнопленных и остовцев*. М.: РОССПЭН.

2010. *Беглецы из плена: Воспоминания танкиста и морского артиллериста*. М.: РОССПЭН.

Чиров, Д. 2010. *Средь без вести пропавших: Воспоминания советского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941–1945 гг.* М.: РОССПЭН.

Holland, Н.-Н. 2002. *Materialien zur Geschichte der Zwangsarbeiter in Herten*. Herten: VHS-Herten.

Kooger, В. 2004. *Zwangsarbeit von «Ostarbeitern» 1942–1945 Frauen und Männer aus der Ukraine erinnern sich an ihre Arbeits – und Lebensbedingungen im Volkswagenwerk*. Wolfsburg.

Архивы:

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГВА – Российский государственный военный архив.